

Дело Ильи Романова. Хроника суда: день четырнадцатый

09.07.2015, 02:30 Нижегородская область

РЕПОРТАЖ

Дело Ильи Романова. Хроника суда: день четырнадцатый

Вчера, 8 июля, выездная коллегия Московского окружного военного суда продолжила допрашивать свидетелей и экспертов, вызванных по инициативе стороны защиты, по делу в отношении нижегородского анархиста **Ильи Романова**.

Ему вменяется нарушение четырех статей Уголовного кодекса РФ: ч. 1 ст. 30 ч. 1 ст. 205 (приготовление к террористическому акту), ч. 1 ст. 222 (незаконные хранение, перевозка или ношение боеприпасов), ч. 1 ст. 222 (незаконное изготовление боеприпасов) и ч. 3 ст. 30 ч. 2 ст. 205.2 (покушение на публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, совершенные с использованием средств массовой информации). Все допрошенные в сегодняшнем судебном заседании изначально заявлялись обеими сторонами

процесса, но впоследствии обвинение отказалось от их вызова, однако защита настояла на судебном допросе. В суде выступили эксперты Экспертно-криминалистического центра ГУВД по Нижегородской области Константин Колобов, Лариса Модина, Лариса Брагинская и Екатерина Рябкова, которые участвовали в производстве взрывотехнических экспертиз по делу, судебно-психиатрический эксперт Сергей Беляев и свидетель Юрий Усольцев, работавший охранником автопарковки элитного дома возле областного военкомата, в сквере неподалеку от которого произошел взрыв самодельного пиротехнического устройства в руках у Романова, в результате чего анархист лишился левой кисти.

Но наиболее важное на вчерашнем судебном заседании произошло после того, как были допрошены эксперты и свидетель. Суд объявил перерыв, а после возвращения оказалось, что к прокурору Алексею Езерскому, поддерживающему обвинение в процессе, присоединился до того отсутствовавший на нескольких судебных заседаниях помощник прокурора Алексей Винокуров. «Для усиления» — как выразился один из судей коллегии.

Винокуров передал Езерскому какие-то документы, и прокурор сразу же обратился к суду с ходатайством об оглашении показаний свидетеля обвинения Андрея Семушина, данных на стадии предварительного следствия, которой до этого момента в суд не являлся, и место его нахождения не было установлено. Как пояснил прокурор Езерский, предпринимались все меры для его нахождения, но они ни к каким результатам не привели. Однако сторона обвинения получила сообщение из полиции, что свидетеля разыскивает не только прокуратура, но и его родные. Сотрудники полиции сообщали, что 18 июля, то есть через два дня после начала слушаний дела Ильи Романова по существу, отец Семушина подал заявление о его исчезновении. Тут же

было заведено розыскное дело по категории «Без вести пропавшие». Прокурор Езерский попросил суд приобщить к материалам дела все сопутствующие документы и огласить показания Семушина на основании подпункта «4» п. 2 ст. 281 УПК: при неявке в судебное заседание свидетеля суд вправе по ходатайству стороны или по собственной инициативе принять решение об оглашении ранее данных им показаний в случаях стихийного бедствия или иных чрезвычайных обстоятельств, препятствующих явке в суд. Прокурор Езерский посчитал, что незнание отца, где находится его совершеннолетний сын, который ранее с ним общался мало и проживал отдельно на съемной квартире вместе с друзьями, является чрезвычайным обстоятельством.

Адвокат подсудимого Евгений Губин заявил категорический протест против как приобщения документов, так и оглашения показаний свидетеля. Он отметил, что Семушин, являясь 19-летним молодым человеком, мог поехать куда угодно — на заработки, в гости к друзьям — и не предупредить родителей. Губин заметил, что таких розыскных дел заводится великое множество, когда люди просто не предупреждают своих родственников, уезжая куда-либо буквально на несколько дней, а после этого возвращаются целыми и невредимыми, и дела прекращаются. Адвокат подсудимого заявил суду, что документы, которые прокурор ходатайствует приобщить к материалам, не имеют никакого отношения к исследуемому делу. «Конечно же, было так: сотрудники ФСБ пришли к папе и сказали: »Папа, где сын-то? Пиши заявление!», — прокомментировал обращение отца Семушина в полицию Евгений Губин. Также Губин отметил, что ни в какое сравнение со стихийным бедствием, как указано в причинах оглашения свидетельских показаний в законе, не может идти то, что отец не владеет на данный момент информацией о местонахождении своего

взрослого сына, и это не может быть расценено как чрезвычайные обстоятельства.

Сам подсудимый также выступил против приобщения документов и оглашения показаний Семушина.

Но суд, совещаясь на месте, принял решение встать на сторону обвинения.

Суд огласил два протокола допроса Андрея Семушина следователем УФСБ Кауркиным и протокол проверки показаний на месте, составленный следователем УФСБ Соловьевым. Показания, зафиксированные во всех трех протоколах, с той или иной долей подробностей повторяют друг друга.

Андрей Семушин также, как и свидетели Алексей Гусев и Константин Абрамов, был коллегой Ильи Романова. Они вместе работали в частном охранном агентстве «АВК». С Абрамовым, который был допрошен в первый день слушаний дела по существу и отметил, что заявил, что он анархо-индивидуалист и состоит на учете у психиатра, они вообще осуществляли охрану одного и того же объекта — строящейся автозаправки «Лукойл». Он, Романов и Абрамов были сменщиками и меняли друг друга по графику.

Семушин допрашивался сотрудниками ФСБ три раза. 19 ноября и 18 декабря 2013 года его допрашивал следователь Кауркин, а 19 февраля 2015 года происходила проверка его показаний на месте, правда, к тому моменту место событий, о которых он свидетельствовал, весьма изменилось — заправка была построена, а бытовка охранников — снесена.

Как следует из материалов дела, Андрей Семушин считает себя анархо-примитивистом, выступает за приоритет сельского хозяйства и полагает, что люди должны жить натуральным хозяйством. С Ильей Романовым

он познакомился на в середине июля на митинге против решения городской Администрации о вырубке парка им. И. П. Кулибина, куда пришел, потому что интересовался экологическими проблемами. Организатором митинга, по его словам, была гражданская активистка Валерия Алтарева, его знакомая. Из всех присутствовавших на митинге, по показаниям Семушина, Романов и еще один человек, с которым он и был вместе, выделялись своим возрастом, потому что, в основном, в мероприятии участвовала молодежь. Однако стоит отметить, что Семушин как-то упустил, что митинг в защиту парка был по-настоящему общегородской акцией, на которой присутствовали люди совершенно разных возрастов.

Далее, как следует из показаний анархо-примитивиста, его знакомство с Романовым продолжилось уже в сентябре, когда подсудимый устроился в тот же самый ЧОП, где уже до того работал свидетель. Между сменами, когда Романов менял Семушина, он, в соответствии с материалами дела, показал ему несколько химических опытов, правда, как утверждает свидетель, он и не знал, с какой целью подсудимый это ему показывал. Якобы сначала насыпал в коктейльную трубочку марганцовки, заткнул ее ватой с обеих сторон, и на одну из ваток капнул глицерин, но ничего не произошло. В другой раз Романов достал из спортивной сумки стеклянную банку с белым порошком, насыпал этот порошок в металлическую крышку и поджег, отчего смесь в крышке воспламенилась, и раздался небольшой хлопок. Вещество в банке Романов назвал перекисью ацетона и пояснил, что изготовил его сам в домашних условиях и что оно взрывается при воздействии огня. Самое интересное, что буквально за несколько часов до оглашения свидетельских показаний Семушина эксперт-взрывотехник Колобов в судебном заседании пояснил, что перекись ацетона является очень неустойчивым соединением и крайне чувствительно

к любого рода воздействиям, может взорваться даже при длительном хранении. Более того, эксперт указал на то, что в ИКЦ существует запрет на исследование больших объемов перекиси ацетона по причине произвольных несанкционированных взрывов при хранении. Так, в Дагестане изъяли банку с этим веществом и поставили в сейф, где она стояла и взорвалась. Также взрывотехник рассказал, что на данный момент перекись ацетона используется в пищевой промышленности и зарегистрирована в качестве пищевой добавки E929, однако заводы по производству этого вещества взрываются, но эти случаи стараются не афишировать. Как пояснил Колобов, не так давно произошел очередной взрыв почвы неподалеку от такого завода в Москве по причине накопления сливаемой перекиси ацетона. А из показаний Семушина следует, что человек, хорошо знакомый с химией, изготовивший это вещество и не могший не знать о его свойствах, носит с собой по городу в сумке целую банку перекиси ацетона объемом пол-литра, спокойно достает ее, рассыпает, поджигает и так далее.

Также в своих показаниях Семушин утверждал, что Романов говорил, что «изготовление и использование взрывчатых веществ является его „почерком“, и если где-то произойдет взрыв и найдут следы данного вещества (при этом о каком веществе идет речь, не уточнялось), подозрение падет на него».

Далее из показаний свидетеля следовало, что как-то раз они с Романовым стали вспоминать митинг против вырубки парка им. Кулибина. Романов сказал, что этот митинг был для него важным событием, его очень волнует эта проблема и нужно искать способы ее решения. Но стоит отметить, что Валерия Алтарева, выступавшая на процессе в качестве свидетеля ранее, говорила, что, будучи одним из инициаторов кампании в защиту парка, помнит всех, кто принимал активное участие в этой

деятельности, однако Ильи Романова среди этих граждан не было. Так вот, возвращаясь к показаниям Семушина, в соответствии с ними, подсудимый якобы предложил осуществить подрыв техники, когда она войдет в парк. Но на этом их общение прекратилось, потому что Романов был уволен. Свидетель попросил отметить следствие, что после увольнения Романова, они с ним не общались.

Конечно, есть в показаниях свидетеля и то, что Романов рассказывал ему, что отсидел на Украине 10 лет за подрыв СБУ, при этом жертвой режима себя не называл и приговор в отношении себя несправедливым не считал.

Есть упоминание и о контактах Романова в Нижнем Новгороде. Якобы Романов рассказывал ему, что общается с представителями местной ячейки Национал-Большевистской Партии. Нужно отметить, что НБП признана экстремистской еще в 2007 году и запрещена на всей территории РФ. Однако в показаниях Семушина это название употребляется не менее трех-четырех раз, при этом создается устойчивое впечатление, будто организация действует и поныне.

Илья Романов с показаниями не согласился и воздержался от комментариев по поводу них.

Как для стороны защиты, так и для самого обвиняемого ходатайство прокурора об оглашении показаний этого свидетеля и их последующее оглашение были полной неожиданностью. Более того, защита считает, что при оглашении свидетельских показаний Семушина в судебном заседании были нарушены важнейшие нормы уголовно-процессуального законодательства.

Следующее заседание назначено на сегодня, на 10.00. В ходе него запланировано допросить экспертов Иванову и Мясникову, проводивших исследование аудиозаписи программы «Диалоги» с Ильей Романовым, в которой, по версии обвинения, анархист высказывает призывы

к осуществлению террористической деятельности,
и эксперта-лингвиста Колтунову, проводившую
рецензирование заключения вышеупомянутых экспертов.

Дело Ильи Романова

13 **16**